

УДК 811.161.1

ПРЕФИКСАЦИЯ, СТРУКТУРА СОБЫТИЯ И ПРОБЛЕМА НЕСУБКАТЕГОРИЗОВАННЫХ АРГУМЕНТОВ

© С.Г.Татевосов

В работе предлагается новый анализ актантных альтернатив в русском языке, который опирается на предположение, что некоторые компоненты событийной структуры создаются в синтаксисе, а другие возникают в процессе ее лексической реализации. При соединении лексического компонента со структурным возможны два случая. В первом лексический и структурный компоненты комбинируются без каких-либо затруднений. Во втором происходит реинтерпретация лексического компонента как событийного модификатора со связанным индивидуальным аргументом. Анализ верно предсказывает, что возможность несубкатегоризованного аргумента коварирует с характером параметрического свойства, которое меняется в результате осуществления ситуации из экстенционала лексического предиката.

Ключевые слова: деривационная морфология, структура события, актантная структура, префиксация.

В этой работе мы предлагаем возможный подход к решению давней проблемы, связанной с актантной структурой русского глагола. В предельно общем виде проблема описывается обобщением в (1):

(1.) Префиксация в русском языке приводит

а. к появлению у глагола актантов, отсутствующих у непрефигированной основы;

б. к исчезновению актантов, имеющих у непрефигированной основы.

Чтобы проиллюстрировать это обобщение, достаточно парадигмы в (2)-(4):

(2.) Володя съел сыр.

(3.) а. Володя наел пузо.

б. *Володя наел сыр.

(4.) а. Володя ел сыр.

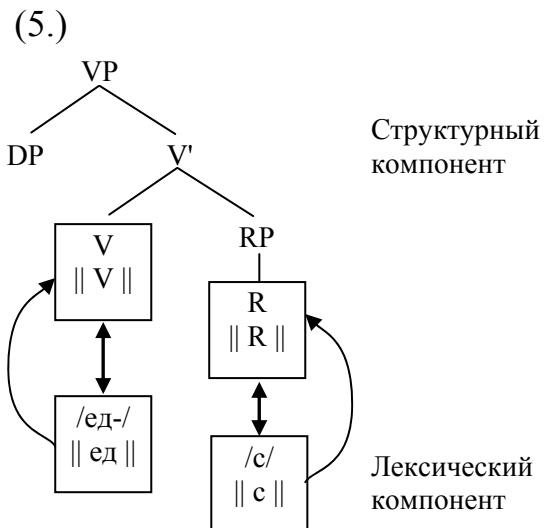
б. #Володя ел пузо.

Как видно из (4а-б), в отсутствие префикса основа *ед-* допускает единственный тип актанта – объект потребления. *Есть* – значит поглощать еду. После префиксации, однако, ситуация меняется. В (3а) в качестве пациенса появляется создаваемый объект – *пузо*. Исходный пациенс, как видно из (3б), становится невозможен. При наличии другого, «чистовидового» префикса, как в (2), пациенс сохраняется в неприкосновенности.

В литературе эти факты получили достаточно широкое освещение, подробно останавливаясь на котором мы не имеем возможности по соображениям объема. В оставшейся части этих заметок мы покажем эскиз анализа, который, как кажется, способен объяснить обе части обобщения в (1), в частности, верно предсказать явления, которые наблюдаются в (2)-(4).

Наше первое допущение следует идее Б.Левин и М.Раппапорт Ховав (см. [1] и цитируемую

там литературу, а также обсуждение в [2]) о том, что значение глагольного предиката складывается из двух компонентов: **лексического** и **структурного**. Лексический компонент уникален для каждого глагола: для глагола *есть*, например, – это то, что отличает его от глагола *пить*. Он состоит из фонологической и семантической информации, закрепленной за лексическими единицами словарно. Структурный компонент – свойство целой конструкции, в которой реализуется глагол, то общее, что объединяет глаголы *есть*, *пить* и другие **деятельности** в терминах лексико-аспектуальной системы Вендлера-Даути [3 – 4]. Структурный компонент представляет собой фрагмент синтаксической структуры, лишенной лексической информации, но имеющей собственное семантическое содержание. Мы предполагаем, что он генерируется синтаксически вовсе без участия лексической информации, а придание ему плана выражения происходит после синтаксиса, в момент **лексической реализации**, или **озвучивания**, синтаксической структуры, как показано в (5). Глагольная основа *ед-* в (5) озвучивает вершину V, а префикс *с-* – вершину R. Как синтаксические вершины V и R, так и озвучивающие их словарные единицы *ед-* и *с-* имеют собственную интерпретацию, соответственно || V ||, || R ||, || ед- || и || с-||. К семантике каждого из компонентов мы вскоре вернемся. На интуитивном уровне || R || отвечает за результат процесса, обозначаемого || V ||.

(5), таким образом, – это двухуровневая теория, в которой конечное значение выражения создается информацией из двух независимых источников. В этом смысле любая глагольная группа представляет собой «конструкцию» примерно в том смысле, в котором это понятие вводится в [5], с той несущественной разницей, что автор опирается на другие представления о природе структурного компонента.

Мы предполагаем, что структурные компоненты **деяте́льностей** и **свершений** различаются: первый показан в (6), второй – в (7). Конфигурация, представленная в (5), таким образом, – это пример структуры свершений:

(6.) Структура деяте́льностей: нет резуль- тативного компонента

$$[{}_{VP} \dots v [{}_{VP} \dots V]]$$

(7.) Структура свершений: есть резуль- тативный компонент

$$[{}_{VP} \dots v [{}_{VP} \dots V [\dots R \dots]]]$$

(6)-(7) похожи на событийные структуры деяте́льностей и свершений Дж.Рэмченд [6]. Как и она, мы предполагаем, что каждая вершина вносит вклад в интерпретацию, поставляя в структуру подсобытийный компонент: *v* – каузирующее подсобытие, *V* – процессное подсобытие. Роль *R*, как и в рэмчендовской системе, сводится к указанию на результат, однако в рамках этих упрощенных набросков мы, в отличие от Рэмченд, откажемся от идеи, что *R* вводит отдельный подсобытийный компонент.

К моменту завершения построения глагольной группы подсобытия полностью лишены дескриптивных свойств: они возникают лишь на этапе озвучивания, когда структурный компонент соединяется с лексическим. Отвлекаясь от интерпретации внешней оболочки глагольной

группы *vP*, не имеющей непосредственного отношения к нашему сюжету, сосредоточимся на семантике *VP*.

Мы предполагаем, что *V* имеет различную интерпретацию в составе структур деяте́льностей и свершений. В первом случае она обозначает простое отношение между процессами и их участниками в (8), во втором – отношение между процессами, участниками и степенями изменения свойства в (9). С содержательной точки зрения это означает, что свершения по необходимости описывают изменение параметрического свойства, тогда как деяте́льности лишены этой особенности. Более того, мы предполагаем, что именно семантика изменения свойства – это элемент, лицензирующий комплемент *V*, который обозначает результат изменения. (В русских глагольных группах с префиксальными глаголами эту позицию, как видно из (5), занимает префикс.) Процессы, не предполагающие изменения, не требуют и спецификации результата.

(8.) Глагольная вершина как элемент структуры деяте́льностей

$$\| V_{ACTIVITY} \| = \lambda x. \lambda e. process(e) \wedge arg(x)(e)$$

(9.) Глагольная вершина как элемент структуры свершений

$$\| V_{ACCOMPLISHMENT} \| = \lambda d. \lambda x. \lambda e. process(e) \wedge INCREASE(G(x))(d)(e)$$

где $INCREASE(G(x))(d)(e) = 1$ тогда и только тогда, когда степень, в которой *x* обладает свойством *G*, увеличилась на *d* в событии *e*.

Обсудим подробнее событийную структуру класса свершений, опирающуюся на семантику *V* в (9). Наша гипотеза состоит в том, что значения параметрического свойства *G* произвольно выбираются из ограниченного инвентаря универсальных параметрических характеристик – таких как созданность, уничтоженность, вовлеченность в ситуацию и т.д. В зависимости от этого мы получаем разные классы событийных структур свершений: с создаваемым объектом, уничтожаемым объектом, объектом поверхностного контакта, объектом представления и т.д.

Функция префикса в рамках нашего упрощенного фрагмента очень проста: он сообщает значение степенному аргументу *d*, а именно указывает, что степень обладания свойством приросла в максимально возможной в данном контексте степени d_{MAX} . (Полный анализ префиксов, безусловно, сложнее, поскольку они вводят результирующее состояние, которое мы игнорируем. Идея о том, что префиксы – это операторы,

которые обрабатывают степенной аргумент, представлена также в [7].)

Принципиально важно, что префиксы чувствительны к тому, на какой именно шкале располагается d_{MAX} . Соответственно, для разных шкал мы имеем разные префиксы. Общий формат семантического представления префиксов показан в (10):

(10.) Семантика префикса

$\| PRF_S \| = d_{MAX}$, если $d_{MAX} \subseteq S$, не определено в противном случае, где S – некоторая шкала

Учитывая, что префикс поставляет d_{MAX} , расположенный на конкретной шкале, он совместим только с теми шкальными свойствами G , которые получают значения на той же шкале.

Таким образом, префигированная глагольная группа до озвучивания представляет собой отношение между индивидами и событиями в (11):

(11.) Интерпретация глагольной группы в составе структуры свершений; общий формат

$\| [_{VP} \dots V [PRF]] \| = \lambda x. \lambda e. process(e) \wedge INCREASE(G(x))(d_{MAX})(e)$

В зависимости от того, каким образом фиксировано свойство G , (11) может принимать разнобразный вид. Несколько примеров показано в (12):

(12.) Глагольные группы, опирающиеся на различные параметрические свойства :

- a. $\| [_{VP} \dots V [PRF_{DESTROYED}]] \| = \lambda x. \lambda e. process(e) \wedge INCREASE(DESTROYED(x))(d_{MAX})(e)$
- b. $\| [_{VP} \dots V [PRF_{EFFECTED}]] \| = \lambda x. \lambda e. process(e) \wedge INCREASE(EFFECTED(x))(d_{MAX})(e)$
- c. $\| [_{VP} \dots V [PRF_{AFFECTED}]] \| = \lambda x. \lambda e. process(e) \wedge INCREASE(AFFECTED(x))(d_{MAX})(e)$
- d. ...

Таким образом, перед нами **структурный компонент** значения глагольной группы – тот, который определяется независимо от семантики конкретных лексических единиц. Индивидуальный аргумент отношений в (12) и соответствует **структурному аргументу** в теории Б.Левин и М.Раппапорт Ховав.

Перейдем к основному элементу предлагаемой системы. Мы предполагаем, что в момент озвучивания, когда компоненты структуры получают фонологическое выражение, делается доступной и вся семантическая информация, которая уникальна для участвующих в озвучивании

словарных единиц. Словарная единица для основы глагола *есть*, в частности, выглядит следующим образом:

(13.) Словарная единица для глагола *есть*
/ ед- / $\Leftrightarrow \{ VP, \dots, \lambda x. \lambda e. eat(x)(e) \}$

Отношение $\lambda x. \lambda e. eat(x)(e)$, которое определяет наша словарная единица, – это специфическое отношение между индивидами и событиями поведения, в которых константа *eat* отвечает за все их дескриптивные свойства. Индивидуальный аргумент этого отношения соответствует **константному аргументу** Б.Левин и М.Раппапорт Ховав.

В момент озвучивания отношение в (13) подвергается **соотнесению** с отношением, построенным в синтаксисе в качестве структурного компонента. Наша основная гипотеза состоит в том, что процедура соотнесения сводится к созданию пересечения двух отношений, к которому прилагается ограниченное количество стратегий разрешения ситуации, когда пересечение пусто. Будем понимать процедуру соотнесения как двухместную функцию *Match*, аргументами которой выступают структурный компонент, такой как в (12а-с), и лексический компонент.

(14.) Операция соотнесения; вариант с пересечением

$Match(Struct, Lex) = Struct \cap Lex^1$

Предположим, что перед нами структурный компонент в (12а). В этом случае операция *Match* принимает форму в (15):

(15.) Соотнесение

$Match(\lambda x. \lambda e. process(e) \wedge INCREASE(DESTROYED(x))(d_{MAX})(e), \lambda x. \lambda e. eat(x)(e))$

Перед нами два отношения между индивидами и событиями или, что то же самое, два множества пар индивидов и событий. Согласно (14), *Match* формирует множество пар индивидов и событий, которые представлены в обоих исходных множествах:

¹ (14) представляет семантику в теоретико-множественном формате, тогда как семантические представления в (8)-(13) – в терминах функций. Поскольку, однако, то и другое находится во взаимно однозначном соответствии (любой функции логического типа $\langle \sigma, t \rangle$ соответствует множество объектов типа σ), в порядке упрощения мы переходим от формата к формату, специально этого не оговаривая.

(16.) **Результат соотнесения**

$$\lambda x.\lambda e. \quad \text{process}(e) \quad \wedge \\ \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(x))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(x)(e)$$

После насыщения аргументной позиции именной группой *сыр*, мы получаем предикат в (17):

(17.) **Семантика для *съесть сыр***

$$\lambda e. \quad \text{process}(e) \quad \wedge \\ \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(\text{cheese}))(d_{\text{MAX}})(e) \quad \wedge \\ \text{eat}(\text{cheese})(e)$$

(17) обозначает события, которые одновременно представляют собой события поедания сыра, и события, в которых сыр подвергается уничтожению в максимальной степени. Это в точности семантика предиката *съесть сыр*.

Озвучивание префиксальной вершины происходит по интуитивно очевидным правилам, которые мы для экономии места не будем подробно обсуждать. Чтобы озвучить префиксальную вершину, достаточно сообщить префиксальной лексической единице информацию о характере шкалы и о дескриптивных свойствах событийного предиката, привносимого лексическим глаголом.

Важнейшее свойство участвующих в соотнесении отношений в (15) состоит в том, что их пересечение не пусто. Одно обозначает множество пар индивидов и событий таких, что индивид подвергается полному уничтожению в ходе события. Другое – множество пар индивидов и событий, где индивид подвергается (необязательно полному) поеданию в ходе события. Понятно, что существуют пары, которые входят в оба множества. Это в точности такие пары, где индивид поедается и полностью уничтожается в ходе события. Именно эта семантика выражается в (17).

Рассмотрим теперь, что происходит, если *ед-* из (13) попадает в структуру типа (12b) ($\lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e)$), где в отношения с событиями входит не уничтожаемый, а создаваемый индивид. В этом случае два отношения не пересекаются: никакой поедаемый индивид не создается в результате поедания. Мы предполагаем, что семантическая деривация продолжается, однако не посредством пересечения отношений, а посредством модификации. Отношение $\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)$ преобразуется в событийный предикат с помощью экзистенциального закрытия индивидной переменной:

(18.) **Операция соотнесения; вариант с событийной модификацией**

$$\text{Match}(\text{Struct}, \text{Lex}) = \text{Struct} \cap_{\text{EM}} \exists_x[\text{Lex}]$$

Операция экзистенциального закрытия $\exists_x[\text{Lex}]$ превращает отношение между индивидами и событиями, например, $\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)$ в множество событий:

(19.) **Экзистенциальное закрытие**

$$\exists_x(\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)) = \lambda e. \exists x[\text{eat}(x)(e)]$$

Предикат в (19) обозначает события, в которых что-то съедено. Смысл операции соотнесения в (18) состоит в том, чтобы извлечь из множества пар индивидов и событий, содержащихся в Struct, такое подмножество, в котором события удовлетворяют предикату в (19). Эту процедуру можно назвать пересечением с событийной модификацией, \cap_{EM} . Она показана в (20):

(20.) **Пересечение с событийной модификацией**

$$R \cap_{\text{EM}} P = \{ \langle x, e \rangle \mid \langle x, e \rangle \in R \wedge e \in P \}$$

Возьмем пары индивидов и событий из отношения R и оставим из них только те, в которых события входят в экстенционал предиката P.

Соотнесение структурного компонента в (12b) и лексического компонента в (13) показано в (21):

(21.) **Соотнесение с событийной модификацией**

$$\text{Match}(\lambda x.\lambda e. \quad \text{process}(e) \quad \wedge \\ \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e), \lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)) = \\ \lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e) \\ \cap_{\text{EM}} \lambda e. \exists x[\text{eat}(x)(e)] = \lambda x.\lambda e. \exists y [\text{process}(e) \wedge \\ \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(x))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(y)(e)]$$

После заполнения индивидной позиции мы получаем предикат, обозначающий события поедания некоторой сущности, в результате которых в максимальной (в данном контексте) степени создается такая вещь, как пузо. Это в точности семантика предложения (3a) *Вася наел пузо*.

(22.) **Семантика для *наесть пузо***

$$\lambda e. \exists y \quad \text{[process}(e) \quad \wedge \\ \text{INCREASE}(\text{EFFECTED}(\text{belly}))(d_{\text{MAX}})(e) \wedge \text{eat}(y)(e)]$$

Экзистенциальное закрытие можно рассматривать как вариант коэрсии, когда семантический конфликт приводит к реинтерпретации одного из элементов, что позволяет спасти деривацию от краха. В нашем случае принципиально

важно, что коэрсии подвергается лексический элемент: в этом отношении мы, как и Б.Левин и М.Раппапорт Ховав, придерживаемся обобщения, согласно которому структурный аргумент требует реализации, а лексический нет. В предлагаемой системе этот результат вытекает из самой архитектуры теории. Строго говоря, в ней нет процедуры **реализации аргументов**. Аргументная и событийная структура, созданная синтаксисом, – это наша единственная реальность. Ее можно по-разному реализовать имеющимся лексическим материалом, и, если этот материал не идеально подходит к структуре, его следует приспособить к ней доступными средствами. Одно из них – преобразование отношения в предикат, которое, как мы пытались убедить читателя, и происходит в тех случаях, которые внешне выглядят как появление несубкатегоризованного аргумента.

Отметим, что идея об экзистенциальном закрытии «исходного аргумента» (такого, как поглощаемый объект у глагола *есть*) в случаях типа *наел пузо* высказывалась и раньше, например, в диссертации О.В.Бабко-Малой [8]. Однако механизм закрытия предполагался принципиально другой, чем в изложенном выше наброске анализа. У О.В.Бабко-Малой индивидуальную переменную в семантическом представлении глагольной основы связывает префикс. Если перевести ее построения на язык, принятый в этой статье, деривация *наел пузо* будет выглядеть примерно, как в (23):

(23.) а. || ед- || = $\lambda x.\lambda e. \text{eat}(x)(e)$

б. || на- || = $\lambda R_{\langle e, \langle v, t \rangle \rangle}.\lambda y.\lambda e. \exists x[R(x)(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(y))(d_{\text{MAX}})(e)]$

в. || наед- || = $\lambda y.\lambda e. \exists x[\text{eat}(x)(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(y))(d_{\text{MAX}})(e)]$

д. || наед- пузо || = $\lambda e. \exists x[\text{eat}(x)(e) \wedge \text{INCREASE}(\text{DESTROYED}(\text{belly}))(d_{\text{MAX}})(e)]$

Префикс в (23b) применяется к основе в (23a) как к аргументу, создавая значение глагола *наед-* в (23c), которое представляет собой отношение между событиями поедания и создаваемыми в нем объектами. Насыщая позицию индивидуального аргумента, мы приходим к предикату в (23d).

(23d) – тот же предикат, который мы получили выше. Однако в (23) это происходит принципиально другим путем: практически всю работу делает префикс. Он и связывает аргумент *ед-*, и вводит создаваемый аргумент *пузо*. Чем такой анализ хуже предлагаемого выше? Как кажется, по крайней мере в одном, но важном отношении. Способность к связыванию старого и введению нового аргументов – это случайное свойство ин-

дивидуальной лексической единицы, такой как *на-* в (23b). Возникновение несубкатегоризованных аргументов с разными префиксами у разных глаголов – это каждый раз отдельные независимые факты, не сводимые к действию общей закономерности. Наш анализ позволяет объяснить эти же явления как результат работы единого (и единственного) общего механизма – необходимости получить когерентную интерпретацию при соединении событийного шаблона, создаваемого структурно, с конкретным лексическим материалом.

Последнее, что нам предстоит, – ответить на вопрос, почему несубкатегоризованные аргументы невозможны в отсутствие префикса, как в (4), повторяемое в (24).

(24.) а. Володя ел сыр.

б. #Володя ел пузо.

Именно благодаря таким примерам у нас создается ощущение, что актанта типа *пузо* – несубкатегоризованный, производный, недоступный в исходной конфигурации. И именно такие примеры подталкивают нас к идее, что *пузо* – это аргумент префикса: нет префикса, нет аргумента.

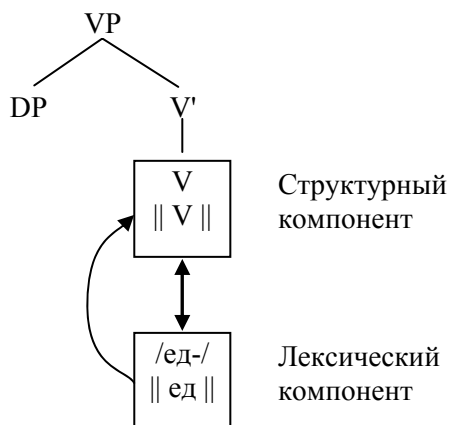
Объяснение (24) следует из наших допущений без всяких дополнительных усилий. Как мы видели выше, префикс возможен только в структуре свершений в (9), но не в структуре деятельностей в (8), повторяемых, как в (25)-(26). Это следует из того, что только у глагольной вершины в (26) есть параметрическое свойство, изменяющееся в ходе события, и соответствующий степенной аргумент, насыщаемый префиксом. Наличие префикса, соответственно, коррелирует с наличием в событийной структуре семантики изменения:

(25.) || V_{ACTIVITY} || = $\lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{arg}(x)(e)$

(26.) || $V_{\text{ACCOMPLISHMENT}}$ || = $\lambda d.\lambda x.\lambda e. \text{process}(e) \wedge \text{INCREASE}(G(x))(d)(e)$

Поскольку V_{ACTIVITY} в (25) отсутствует параметрическое свойство и степенной аргумент, беспрефиксальные глаголы («глаголы несовершенного вида») по необходимости имеют структуры деятельностей (а структуры деятельностей по необходимости являются беспрефиксальными). В развернутом виде структура показана в (27):

(27.)

При лексической реализации V в (27) отношение, выражаемое основой *ед-*, $\lambda x.\lambda e.eat(x)(e)$ соединяется с отношением в (25) с помощью уже известной нам операции Match:

(28.) Соотнесение

$Match(\lambda x.\lambda e. process(e) \wedge arg(x)(e), \lambda x.\lambda e.eat(x)(e))$

(29.) Результат соотнесения

$\lambda x.\lambda e. process(e) \wedge arg(x)(e) \wedge eat(x)(e)$

Семантика V в структуре деятельностей крайне недоспецифицирована. Перед нами множество процессов, в которых есть участник, связанный с ними предельно обобщенной семантической ролью *arg*. $Arg(x)(e)$ можно понимать как «x участвует в e». Из этого вытекают три следствия. Во-первых, отношение в (25) и отношение, выражаемое основой, всегда имеют непустое пересечение. Какое бы отношение между индивидом и событием ни обозначала основа, для него будет верно, что некоторый индивид участвует в некотором событии, и этого достаточно, чтобы удовлетворить требование V из (25). Во-вторых, структура деятельностей всегда одна и та же: в ней нет вариативного параметрического свойства, как в структуре свершений. В структуре деятельностей не могут появиться актанты с более конкретными и притом вариативными ролями – созидаемого объекта, уничтожаемого объекта и т.д. Из этого следует, в-третьих, что конкретный характер участия индивида в событии полностью определяется семантикой лексического компонента. Соответственно, для *есть* мы попросту получаем отношение между процессами поедания и поедаемыми объектами – такое, как в (29). Именно поэтому в предложении *Вася ест пузо* актант *пузо* можно проинтерпретировать только в качестве объекта поедания.

Таким образом, предложенная система сводит воедино все представленные в нашем материале корреляции. Возможность несубкатегоризованного аргумента коррелирует с тем, какое параметрическое свойство меняется в ходе события. Наличие параметрического свойства коррелирует с наличием префикса. Несубкатегоризованные актанты доступны только в префиксальной конфигурации, но не потому, что они являются аргументом префикса, а потому, что и префиксы, и актанты являются аргументами параметрического свойства.

Подведем итог. Сформулированные выше наброски (полный анализ, подчеркнем еще раз, требует значительно большей технической обработки) позволяют дать простые и общие ответы на два вопроса. Первый вопрос: откуда берутся актанты типа *пузо* в *наел пузо*? Ответ: это актанты параметрического свойства, которое представляет собой элемент семантики структурного компонента предикатов класса свершений. Второй: куда в случае *наел пузо* уходят исходные актанты типа *сыр*? Ответ: они получают экзистенциальную интерпретацию («существует такой x, что...»), причем ровно в тех случаях, когда их роль в процессе, обозначенном лексической основой, несовместима с ролью, которую требует параметрическое свойство.

При соединении лексического компонента со структурным, как мы видели выше, есть два случая. В первом лексическое и структурное отношения комбинируются без каких-либо затруднений. Во втором мы рискуем получить отношение с пустым экстенционалом, и это приводит к реинтерпретации лексического компонента как событийного модификатора со связанным индивидным аргументом. Анализ верно предсказывает, что возможность несубкатегоризованного аргумента коварирует с характером параметрического свойства, которое меняется в результате осуществления ситуации из экстенционала лексического предиката. Любой аргумент глагола, каким мы его видим, – это аргумент свойства. Мы воспринимаем его как субкатегоризованный, если его возможно соотнести с аргументом лексической основы, и как несубкатегоризованный в противном случае.

Исследование поддержано грантом РФФИ №14-06-00435.

1. *Rapaport Hovav M., Levin B. Building verb meanings // The projection of arguments: lexical and compositional factors.* – Stanford: CSLI Publications, 1998. – P. 97– 134.

2. *Tatevosov S.G.* Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 368 с.
3. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Cornell: Cornell University Press, 1967. – 203 p.
4. *Dowty D.R.* Word Meaning and Montague Grammar. – Dordrecht: Reidel, 1979. – 415 с.
5. *Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 265 с.
6. *Ramchand G.* Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 217 с.
7. *Kagan O.* Scalarity in the domain of verbal prefixes // Natural Language & Linguistic Theory. – Vol. 31. – 2013. – P. 483 – 516 с.
8. *Babko-Malaya O.* Zero Morphology: a Study of Aspect, Argument Structure. Ph.D. dissertation: Rutgers University, 1999. – 332 с.

PREFIXATION, THE EVENT STRUCTURE AND THE PROBLEM OF NON-SUBCATEGORIZED ARGUMENTS

S.G. Tatevosov

The paper argues for a novel analysis of argument alternations in Russian, based on the hypothesis that one component of the event structure is built in the syntax while the other is only introduced at its spell-out. A complete event structure is an outcome of matching the two components. If argument structures of the two components do not match, the lexical component, initially a relation between individuals and events, is reinterpreted as an event predicate. The individual argument gets existentially bound. In this way, the theory correctly predicts that thematic properties of a non-subcategorized argument co-vary with characteristics of a gradable property that undergoes a change in the course of the event.

Key words: derivational morphology, event structure, argument structure, prefixation.

1. *Rappaport Hovav M., Levin B.* Building verb meanings // The projection of arguments: lexical and compositional factors. – Stanford: CSLI Publications, 1998. – P. 97 – 134.
2. *Tatevosov S.G.* Akcional'nost' v leksike i gramatike. Glagol i struktura sobytija. – М.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2014. – 368 s. (in Russian)
3. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Cornell: Cornell University Press, 1967. – 203 p.
4. *Dowty D.R.* Word Meaning and Montague Grammar. – Dordrecht: Reidel, 1979. – 415 s.
5. *Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – 265 s.
6. *Ramchand G.* Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 217 s.
7. *Kagan O.* Scalarity in the domain of verbal prefixes // Natural Language & Linguistic Theory. – Vol. 31. – 2013. – P. 483 – 516 s.
8. *Babko-Malaya O.* Zero Morphology: a Study of Aspect, Argument Structure. Ph.D. dissertation: Rutgers University, 1999. – 332 s.

Татевосов Сергей Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В.Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.
E-mail: tatevosov@gmail.com

Tatevosov Sergei Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

1st Humanities Building, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: tatevosov@gmail.com

Поступила в редакцию 17.04.2014